

Революционная агитация среди военнопленных русской армии в Японии в 1904–1906 гг.

Вячеслав К. Шацилло

*Институт всеобщей истории Российской академии наук,
Москва, Россия, vshatsillo@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена теме изучения революционной пропаганды среди русских военнопленных в Японии в 1904–1906 гг. В результате крайне неудачной для Российской империи Русско-японской войны в плен к врагу попало более 70 тыс. русских военнослужащих, среди которых велась активная революционная агитация противниками царизма. Русскими революционерами и их сторонниками готовились также планы вооруженного вторжения из Японии в Россию с целью свержения царизма. В российской историографии эта тема до сих пор не получила должного освещения. Автор поставил своей целью, применяя методы конкретно-исторического анализа, на основании ранее не использованных источников изучить влияние революционной пропаганды среди русских военнопленных в 1904–1906 гг. на изменение их политических настроений. Он приходит к выводу о том, что, хотя объективные документальные источники не позволяют четко определить эффективность воздействия революционной пропаганды на политические взгляды пленных солдат и офицеров в Японии, военное поражение царизма в войне с более слабым противником и знакомство с достижениями японской культуры и экономики заставили задуматься многих из них о необходимости проведения демократических реформ в самодержавной России.

Ключевые слова: Русско-японская война, русские военнопленные в Японии, политика Японии, революционная пропаганда и агитация

Для цитирования: Шацилло В.К. Революционная агитация среди военнопленных русской армии в Японии в 1904–1906 гг. //

Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 1(11). С. 56–67. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-56-67

Revolutionary Agitation among the Russian Prisoners of War in Japan, 1904–1906

Viacheslav K. Shatsillo

Russian Academy of Sciences Institute of World History, vsatsillo@mail.ru

Abstract. The article analyzes the revolutionary propaganda among the Russian prisoners of war in Japan in 1904–1906. As a result of the Russo-Japanese War, extremely unsuccessful for the Russian Empire, more than 70 thousand Russian soldiers were captured by the enemy. A very active revolutionary agitation by the opponents of tsarism was carried out among the prisoners of war. The Russian revolutionaries and their supporters also made plans for the military invasion of Russia from the territory of Japan with the aim of overthrowing tsarism. In the Russian historiography, this issue has not been adequately analyzed yet. In the article, the author uses the methods of a concrete historical analysis. Based on the previously unused sources, the research aims at the study of the impact of 1904–1906 revolutionary propaganda on the change of the political views of the Russian prisoners of war. The author comes to the conclusion that the documentary sources do not allow the researcher to definitely determine the effectiveness of the revolutionary propaganda impact on the political views of the imprisoned Russian soldiers and officers in Japan. Nevertheless, the military defeat of tsarism in the war with the weaker enemy and the acquaintance with the achievements of the Japanese culture and the economy made many of the prisoners of war think about the necessity of the democratic reforms in autocratic Russia.

Keywords: Russo-Japanese war, Russian prisoners of war in Japan, policy of Japan, revolutionary propaganda and agitation

For citation: Shatsillo VK. Revolutionary Agitation among the Russian Prisoners of War in Japan, 1904–1906. *RSUH/ RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;1(11):56-67. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-56-67

Введение

Трагически закончившаяся для царизма Русско-японская война привлекала и привлекает поныне мало внимания и советских, и российских историков. В СССР события 1904–1905 гг. рассматривались только сквозь призму еще одного убедительного доказательства авантюризма внешней политики царизма и неспособности самодержавия оказать достойное сопротивление на поле боя даже слабому противнику. В настоящее время тему анализа причин поражения императорской России в войне на Дальнем Востоке историки стараются избегать, а иногда даже подвергают сомнению сам факт поражения русской армии и флота. Такая проблема, как русские военнопленные в Японии и их положение, на наш взгляд, остается «белым пятном» в отечественной историографии. Достаточно отметить, что самой значимой работой на русском языке и по сей день считается исследование японского профессора Такэси Сакона «Военнопленные в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.» [1]. А деятельность активного революционного пропагандиста среди русских военнопленных Н.К. Судзиловского (Русселя) стала предметом фундаментального исследования также японского историка Харуки Вада [2]. Что же касается нашей страны, то после публикации ряда воспоминаний участников войны и бывших русских пленных, вышедших в свет в первые десятилетия прошлого века, интерес к изучению гуманитарных аспектов Русско-японской войны вообще и положению русских военнопленных на Японских островах в частности заметно упал. Это тем более удивительно, что данной теме посвящены серьезные труды не только японских, но и американских историков [3]. Вместе с тем в фондах Государственного архива РФ (ГАРФ) хранится немало важных источников, которые позволяют прояснить некоторые факты, связанные с ведением революционной пропаганды среди русских военнопленных и иными гуманитарными аспектами Русско-японской войны [4]. Именно поэтому автор статьи поставил перед собой задачу при помощи методов сравнительно-исторического анализа, используя последние работы отечественных и зарубежных историков и неисследованные ранее документальные источники, проанализировать результаты революционной агитации среди военнопленных русской армии в Японии в 1904–1906 гг. в условиях военного поражения царизма на Дальнем Востоке и революции 1905–1907 гг. в России.

*Русские военнопленные в Японии:
количество и условия содержания*

Исторически сложилось, что в последние полтора века в России и крупные демократические реформы, и радикальные революции происходят в условиях военных неудач, которые становятся несомненным катализатором кардинальных социально-политических изменений. Так было после поражения и в Крымской войне, и в Первой мировой. А мощнейший импульс для начала и расширения русской революции 1905–1907 гг. дали унижительные разгромы нашей армии на сопках Маньчжурии и уничтожение почти всего императорского флота в Цусимском проливе.

Войн, а тем более проигранных, как известно, не бывает без военнопленных. На вопрос, сколько именно наших военнопленных находилось в японском плену в 1904–1906 гг. ни русские, ни японские историки до сих пор не могут дать четкого ответа. У японских историков это число колеблется от 79 367 до 86 105 человек. А в российской газете «Известия» писалось о 32 500 человек [5]. Нам же наиболее обоснованным представляется утверждение о том, что на момент подписания Портсмутского мира в японском плену находилось 62 149 человек. Всего на родину из плена вернулось 72 408 солдат и офицеров. Разница – свыше 10 000 – объясняется тем, что часть военнослужащих была репатрирована еще во время войны. Кроме этого, 462 воина умерло в лагерях от ран и болезней, их прах остался на японской земле. Поэтому фактическая численность репатриированных русских военных составляет 71 946 человек.

Первые русские, отправленные в 1904 г. в Японию, были не военнопленные, а интернированные после знаменитого морского боя у корейского Чемульпо русские моряки с крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец». Их спас французский военный корабль «Паскаль». Затем моряки были переправлены в Шанхай, а позже переданы Красному кресту Японии. После выздоровления, независимо от хода войны, всем им было разрешено вернуться домой в Россию.

Военнопленные содержались в лагерях, находящихся на территории Японии. Наиболее крупными из них были Мацуяма, Фукока и Нагоя. Всего на Японских островах было создано 28 лагерей. Количество русских военнопленных в Японии особенно резко возросло после падения Порт-Артура в начале января 1905 г.

Тем не менее можно с уверенностью сказать, что Русско-японская война была первой и последней «джентльменской» войной XX в.

К попавшим в плен русским военнослужащим японские власти проявили немислимое по нашим временам благородство: офицерам и генералам было разрешено немедленно отправиться домой в том случае, если они письменно пообещают больше не участвовать в боевых действиях. Такой возможностью воспользовались 440 человек. Именно в подобном спецпоезде со всем имуществом уехал в Россию из Порт-Артура пресловутый генерал А.М. Стесель. Офицеры, из патриотических побуждений не пожелавшие подписать обещание больше не участвовать в войне, коих было подавляющее большинство, были отправлены в Японию. На принудительных работах их не использовали, хорошо кормили, разрешали свободно гулять, посещать театры и заведения с гейшами. Им даже не возбранялось за свои деньги выписывать семьи из России.

Офицеров, как правило, размещали в японских семьях, но достаточно свободные порядки царили и в лагерях для нижних чинов.

К слову, и в России к японским пленным тех лет относились по-джентльменски, за что японцы искренне поблагодарили российское правительство. Правда, этих пленных было намного меньше – всего 1973 солдат и офицеров в чине от майора и ниже.

Оторванные от дома, имеющие специфический жизненный опыт, скучающие не по своей воле от безделья, десятки тысяч российских мужчин самого различного социального происхождения стали на японских островах объектом серьезной идеологической обработки. Причем официальный Токио поначалу решил не допускать активной антицаристской пропаганды среди российских военнопленных, опасаясь обвинений в нарушении резолюций Гагской международной мирной конференции, подписанной в 1899 г. и Японией. Существовали, особенно среди японского высшего генералитета, и обоснованные опасения, что антимонархическая революционная пропаганда способна рано или поздно ударить бумерангом не только по царю, но и по микадо, подорвать его авторитет среди простых японцев.

Идеологическая работа среди военнопленных в Японии

Как бы то ни было, но первыми идеологическую работу среди военнопленных стала вести православная церковь. Например, священники из 4-й Восточно-Сибирской дивизии из Порт-Артура добровольно пошли в японский плен, чтобы не только справлять культ и скрашивать непростой быт пленников, но и снабжать их соответствующей патриотической литературой на русском языке.

Православный епископ Николай Японский основал с этой целью Общество духовного утешения.

Уникальные пропагандистские возможности, открывшиеся в Японии, быстро поняли и идейные противники царизма. Первым это осознал видный американский общественный деятель, основатель «Общества американских друзей русской свободы» Джордж Кеннан. В годы Русско-японской войны он находился на островах в качестве корреспондента американского журнала «Аутлук». Посещая лагерь военнопленных, он увидел, что русские испытывают острый недостаток информации, им практически недоступны книги на родном языке, свежие газеты и журналы. «Тогда мне пришла в голову мысль, что сосредоточение значительных количеств русских военнопленных в Японии дает прекрасный случай для организации просветительской кампании в русской армии», – вспоминал позднее сам Кеннан [6 с. 159].

С предложением побороться за «переход армии на сторону политической свободы», который «прибавил бы несколько шансов для русского народа в его борьбе за либеральные реформы», Кеннан обратился к военному министру Японии Тераучи и даже добился у него личной аудиенции. Однако министр по этому поводу не проявил никакого энтузиазма и так и не удостоил американца ответом [6 с. 160–161]. Осознав, что согласия «на просвещение» русских пленных от военных добиться будет крайне сложно, Кеннан решил действовать через придворного церемониймейстера барона Санномия. И только после того, как буквально через два дня после их разговора на ведение революционной пропаганды среди русских высочайшее согласие дал сам японский император, дело сдвинулось с мертвой точки.

Кеннан активно приступил к делу. С просьбой немедленно снабдить его литературой, «которая объяснила бы причины войны и показала бы необходимость изменения формы правления в России», он обратился к Струве в Штутгарт и «Общество американских друзей русской свободы» в США. Оттуда же, с Гавайских островов, в помощь журналисту был направлен и помощник – революционер-народник с авантюристической биографией и американским паспортом Николай Судзиловский, который действовал под псевдонимом Руссель [2,7]. Поскольку Кеннан большую часть времени посвящал работе на «Аутлук», Руссель фактически стал руководителем сети революционных агитаторов в Японии.

Руссель и его деятельность

Основным занятием Русселя на Японских островах до встречи с Кеннаном было содействие переправке в Канаду дезертиров из русской армии. Всего таковых за годы войны оказалось 111 человек, в подавляющем большинстве поляков и евреев, этнических русских было всего несколько человек. Однако принимавшие в Ванкувере дезертиров агенты «Общества американских друзей русской свободы» быстро отказались от дальнейшего сотрудничества с Русселем по этому вопросу, охарактеризовав дезертиров как «человеческий хлам, из-за которого не стоило хлопотать» [8 с. 168].

Новый этап своей деятельности Руссель начал с того, что фактически переподчинил себе иллюстрированный еженедельник на русском языке «Япония и Россия». Это издание было основано в Кобе учениками японской православной семинарии под покровительством военного министерства. Целью еженедельника была пропаганда и объяснение внешней политики Японской империи среди русских военнопленных. Издание это было довольно примитивным и изобиловало грубыми орфографическими ошибками. «Преращение этого пахнувшего ладаном издания в революционное, несмотря на мягкие протесты военного министерства, было уже делом моих рук», — с гордостью вспоминал позднее Руссель [8 с. 174].

В своем роде журнал был шедевром пропагандистской мысли того времени. В нем не было прямых призывов к свержению самодержавия и дешевых примитивных политических агиток. На его страницах рассказывалось об экономической разрухе в стране, казнокрадах министрах, своеволии полиции, невозможности маленькому человеку добиться справедливости в суде и т. п. Там же давались уроки грамотности русского языка, перепечатывались популярные народные песни, душевные стихи. И только как бы между делом появлялись статьи о «прогнившем царском режиме».

Однако основной работой Русселя было не написание обличающих российское самодержавие статей, а распространение среди пленных нелегальной революционной литературы, которая в огромных количествах поступала как из Европы, так и из США. Одним из посредников у него в этом деле был матрос А.С. Новиков, ставший в советские времена достаточно известным писателем под псевдонимом Новиков-Прибой, автором романа «Цусима».

На первых порах Руссель вел революционную кампанию практически в одиночку, японские власти просто следили за происходящим, не вмешиваясь в дела революционера, но и не оказывая ему никакой реальной поддержки. Более того, после многочисленных

протестов русского правительства против «развращения» своих военнопленных, японские власти были вынуждены поставить некоторые ограничения в его деятельности.

Однако 7 июля 1905 г. началась последняя кампания Русско-японской войны, в ходе которой войска Страны восходящего солнца десантировались на о. Сахалин и там быстро разбили немногочисленный русский гарнизон. В ходе этой кампании японцы освободили всех находящихся на острове каторжников, и политические осужденные хлынули в Японию в надежде далее эмигрировать в Америку или другие страны. Руссель сумел привлечь бывших политических каторжников на свою сторону, организовал из них некий «штаб» и резко активизировал свою революционную деятельность.

К слову, среди этих бывших ссыльных и каторжников выделялся своим интеллектом Бронислав Пилсудский – старший брат будущего «Начальника Польского государства», внесший немалый вклад в изучение этнографии российского дальневосточного края [9 с. 92–103; 10 с. 225–234].

Венцом революционной деятельности Русселя и его сторонников в Японии стал детально разработанный план свержения самодержавия в России. Позже сам Судзиловский вспоминал: «Я приготовился к переезду в Сибирь с 40 тысячами революционных пленных, чтобы отрезать Линевица (генерал, возглавлявший армию на Дальнем Востоке) от базы и с Владивостокским гарнизоном в 30 тысяч человек проехать к Москве» [8 с. 176].

Он даже договорился с японским правительством о возвращении своим сторонникам оружия и обеспечении десанта революционеров транспортными судами для высадки в Петропавловске-Камчатском и Владивостоке. Затем по плану они должны были захватить узловые станции Транссибирской магистрали и ускоренным маршем двигаться на Москву и далее на Санкт-Петербург для поддержки вооруженного восстания в обеих столицах. По пути предполагалось освободить всех заключенных на каторгах Сибири и таким образом пополнить ряды своей армии.

Трудно представить, во что бы конкретно вылилась авантюра Русселя и его сподвижников, если бы не помощь царскому правительству со стороны известного двойного агента охранного отделения и одного из лидеров партии эсеров Азефа. Революционерам в Японии нужна была поддержка в России, и они установили контакты с эсерами. Прознавший, таким образом, о замыслах революционеров, Азеф тут же сдал планы Русселя правительству, и на берегу предполагаемую армию повстанцев уже в боевой готовности ждали русские части. Осознав, что высадка его десанта приведет

к бессмысленному кровопролитию и гибели его сторонников, Руссель отказался от осуществления своего плана по экспорту революции из Японии в Россию.

Эффективность революционной пропаганды среди русских военнопленных

Абстрагируясь от чисто авантюристического плана по захвату сибирскими каторжниками Москвы и Санкт-Петербурга, хотелось бы постараться выяснить, сколь эффективной была революционная пропаганда среди русских военнопленных в Японии.

На этот счет существует несколько мнений. Наиболее оптимистическое высказал Кеннан: «Могу лишь повторить, что он [опыт революционной пропаганды. – В. III.] был очень удачен и что из 70 000 пленных по крайней мере 50 000 возвратились с новыми понятиями о правительстве и более ясным представлением о причинах войны. Все превратились в либералов и три четверти – в революционеров» [6 с. 159].

Сам же Руссель в отношении результатов своей пропаганды был настроен куда более скептически. Он вспоминал первую встречу с пленными в лагере Нарашино: «Большинство – реакционно, православно-самодержавно настроенная солдатчина – встретило мою умеренно-республиканскую речь с крайней враждебностью, скоро перешедшей в иступление... Кеннан ошибается, передавая, что дело кончилось аплодисментами либерально настроенной части слушателей» [8 с. 168]. Те же самые настроения господствовали и в других лагерях. Что же касается офицеров, то они, за исключением высшего звена, как правило, проводили все свое время в пьянстве и азартных играх, с презрением относясь ко всем видам политической агитации.

Активный сотрудник Русселя унтер-офицер Новиков-Прибой также рассказывал, как возмущенные революционной агитацией пленные лагеря Кумамото попытались отлупить агитаторов. Последним даже пришлось обратиться за помощью к японской полиции, которая и обеспечивала с тех пор безопасность Новикова с его товарищами. Причем проживать они стали в госпитале и совершенно свободно, без какой-либо охраны [11 с. 8].

Таким образом, высказанная мысль Кеннана о том, что все русские военнопленные возвратились на родину из Японии либералами, кажется нам сильно преувеличенной.

Собственно, и конкретные сведения о революционной деятельности в Японии и результатах соответствующей пропаганды

можно почерпнуть только из воспоминаний самих немногочисленных революционеров. В независимых мемуарах о годах японского пленения офицеров, унтер-офицерского и рядового состава армии и флота, в большом количестве изданных как до революции 1917 г., так и после нее, невозможно найти ни одного достоверного упоминания об активной революционной пропаганде на японских островах. Тем не менее только на этом основании утверждать о полном провале деятельности революционеров тоже нельзя.

Однако в этих мемуарах рефреном звучит другая мысль. Офицеры, имеющие возможность три раза в неделю без конвоя разъезжать по всей стране, во время этих путешествий были поражены не только «феерическими видами» Страны восходящего солнца, но и уровнем жизни населения Японии, развитой экономикой страны. У тех, кого они совсем недавно презрительно называли «макаками», оказывается, существует совершенная система орошения полей, в любой деревне есть электричество и канализация, везде чистота и порядок. Сами же жители островов, по мнению пленных русских офицеров, отличаются редким трудолюбием и законопослушностью [12 с. 66, 160, 200, 206, 210, 249].

В стране царила экономическая стабильность и социальный мир. Эти сравнения явно играли не в пользу царской России и вольно или невольно заставляли русских офицеров серьезно задуматься по поводу эффективности системы неограниченного самодержавия и перспектив ее будущего.

В этом плане напрашиваются сравнения с политическими последствиями заграничного похода русской армии эпохи наполеоновских войн, когда десятки тысяч русских солдат и офицеров воочию убедились в том, что в Европе, оказывается, существует прекрасная альтернатива крепостничеству, что конституционный строй отнюдь не является синонимом кровавой анархии и своевластия толпы. И это революционизировало сознание многих русских офицеров, заставило их в декабре 1825 г. бросить прямой вызов крепостнической системе тех лет.

Точно так же осознание того, что даже азиатская Япония по многим параметрам оказалась впереди европейской, но самодержавной России, не могла не зародить в душе русских солдат и офицеров начала XX в. признания необходимости скорейшего реформирования страны на демократической основе.

В этом, на наш взгляд, состоит один из важнейших уроков давно забытой у нас Русско-японской войны.

Заключение

Российским и американским противникам царизма не удалось в ходе активной революционной пропаганды сагитировать военнопленных на вооруженный мятеж против царского правительства. Не имеется достоверных данных и о том, сколько военнопленных в дальнейшем встали на путь активной революционной борьбы против российского правительства. Вместе с тем можно прийти к выводу о том, что бесславное поражение царизма в войне против более слабого противника и знакомство воочию с успехами Японской империи в экономике и многих других сферах, заставило и офицеров, и рядовых солдат и моряков задуматься о необходимости демократических реформ в самодержавной России.

Литература

1. *Сакон Т.* Военнопленные в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. Владивосток: ДВУ, 2001. 12 с.
2. *Вада Х.* Николай Руссель – народник за границей: В 2 т. Токио: «Тюо коронся», 1973 (на японском языке).
3. *Travis F.* The Kennan-Russel Antitsarist Propaganda Campaign among Russian Prisoners of War in Japan, 1904–1906 // *The Russian Review*. 1981. Vol. 40. № 3. July. P. 263–277.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5825: Судзиловский Н.К. 1 оп. 264 ед. хр.
5. Известия. 2005. 19 марта.
6. *Кеннан Дж.* Как велось просвещение русских солдат в Японии // Каторга и ссылка: Историко-революционный вестник. М., 1927. Кн. 31. С. 158–165.
7. *Иосько М.И.* Николай Судзиловский – Руссель: Жизнь, революционная деятельность и мировоззрение. Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1976. 336 с.
8. *Судзиловский Н.К. (Руссель).* Послесловие к статье Кеннана «Как велось просвещение русских солдат в Японии» // Каторга и ссылка: Историко-революционный вестник. Кн. 31. М., 1927. С. 166–170.
9. *Кадзухико С.* Пребывание Бронислава Пилсудского в Японии // Краеведческий бюллетень [Южно-Сахалинск]. 1995. № 3. С. 90–103.
10. *Маевич А.Ф.* Бронислав Пилсудский в Японии // Вестник Сахалинского музея. 1996. № 3. С. 225–231.
11. *Новиков-Прибой А.С.* Сочинения: В 5 т. Т. 3. М.: Правда, 1950. 678 с.
12. *Селецкий Г.* 646 дней в плену у японцев. СПб.: Изд. В.А. Артемьева, 1910. 123 с.

References

1. Sakona T. Prisoners of War in the period of the Russo-Japanese war . Vladivostok: DVU Publ.; 2001. 12 p. (In Russ.)
2. Wada H. Nikolai Russel – a narodnik abroad. 2 vol. Tokio: «Tyuo koronsya» Publ.; 1973. (In Japanese)
3. Travis F. The Kennan-Russel Antitsarist Propaganda Campaign among the Russian Prisoners of War in Japan, 1904–1906. *The Russian Review*. 1981;3(40) July: 263-77.
4. The State Archives of the Russian Federation. F. P-5825: Sudzilowski N. 1 opis'. 264 edinitsy khraneniya. (In Russ.)
5. Izvestia. Moscow. 2005 Mar. 19. (In Russ.)
6. Kennan G. How Russian Soldiers Were Enlightened in Japan. *Katorga i ssylka: Istoriko-revolutsionnyi vestnik*. 1927;31:158-65. (In Russ.)
7. Iosko MI. Nikolai Sudzilowski (Russel): the life and the revolutionary activity. Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet imeni V.I. Lenina Publ.; 1976. 336 p. (In Russ.)
8. Sudzilowski NK (*Russel*). The concluding remarks to G. Kennan's article "How Russian Soldiers Were Enlightened in Japan". *Katorga i ssylka: Istoriko-revolutsionnyi vestnik*. 1927;31:166-70. (In Russ.)
9. Kadzuhiko S. Bronislav Pilsudski's travel to Japan. *Kraevedcheskii byulleten'*. [Yuzhno-Sakhalinsk]. 1995;3:99-102. (In Russ.)
10. Maevich AF. Bronislav Pilsudski in Japan. *Vestnik Sakhalinskogo muzeya*. 1996;3:225-31 (In Russ.)
11. Novokov-Priboi AS. Works. 5 vol. Vol. 3. Moscow: Pravda Publ.; 1950. 678 p. (In Russ.)
12. Seletsky G. 646 days in Japan prison. Sankt-Peterburg.: V.A. Artem'ev Publ.; 1910. 123 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Вячеслав К. Шацилло, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32А; vshatsillo@mail.ru

Information about the author

Viacheslav K. Shatsillo, Doctor in History, professor, Russian Academy of Sciences Institute of World History, Moscow, Russia; bld. 32A, Leninskii av., Moscow, Russia, 119334; vshatsillo@mail.ru